

К 100-летию театра

Наше священное ремесло

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

И, действительно, какую бы роль Тамара Чернышева ни исполняла, с ее выходом из-за кулис начинало преображаться само сценическое пространство, все становилось значительнее и сильнее. Такова уже магия ее искусства перевоплощения.

Удивительно, но глубоко драматическая актриса Чернышева умела быть комичной, веселой, непосредственной и очень даже правдоподобной. Ее героиням зритель доверялся безоглядно. Талант, помноженный на мастерство, неизбывная любовь к театральному ремеслу, без которого она не представляла себе жизни, — все это не только она, Тамара Чернышева, но и ее очаровательные героини: Луиза Миллер («Коварство и любовь» Ф. Шиллера), Панова («Любовь Яровая» К. Тренева), Ненси («Замок Брудни» А. Кронина), мадам Клебер («Блез» К. Манье), Мод Шарден («Гарольд и Мод» К. Хиггинса), миссис Хиггинс («Пигмалион» Б. Шоу), Амбра («Осенняя история» А. Николаи), Кормилица («Антигона» Ж. Ануя), Варвара Капитоновна («Вечно живые» В. Розова), Графиня-бабушка («Горе от ума» А. Грибоедова). Этот список можно было бы продолжать, но мы вернемся на несколько лет назад, когда то, что еще предполагалось стать большой творческой жизнью актрисы, только предчувствовалось.

«ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО...»

У нее театральное все: семья, воспоминания, служение делу, избранному раз и навсегда в далекой и прекрасной юности, когда было так ясно, что в жизни Тамары Чернышевой место для какой-либо другой игры не останется, ибо все поглотит Сцена. Недаром она как-то процитировала мне высказывание Льва Толстого: «Искусство не есть наслаждение, утешение или забава, искусство есть великое дело».

Актёрское поприще маленькой Тамаре напорочил ее отец, Иван Михайлович Орлов, потомственный петербуржец, владевший уникальной профессией театрального художника-гримера. Перед мудрыми глазами Тамары Ивановны нет, да и проплывут прекрасные дамы тревожных предвоенных лет в шелковистых париках времен Людовика XVI, изготовленных руками отца. Но искусство театра требовало не только красоты и правдивости, но и особенной — природной выразительности. Выразительность же соседствует с естественностью и простотой. Трудно сыграть то, что в тебе не заложено воспитанием, средоу...

Листая старинный семейный альбом актрисы, я понимала, что многие героини Тамары Чернышевой пришли именно оттуда, где ясноглазая дама с высокой прической и медальоном на груди покойно сидит с книгой в шезлонге, где рядом с нею притаилась маленькая девочка с меховой муфтой в руках, где на снимках потертого серого альбома фирмы «Кодак» подозрительно отсутствует мужская половина, принадлежавшая к военной касте старой России, вырванная и люто сожженная эпохой, пришедшей на смену благословенным 1910-м годам, когда сегодняшний Даугавпилс был всего-то русским Двинском, а семейная дача под Ригой не казалась чем-то противоестественным.

Ясноглазая дама на снимке — это бабушка актрисы, Анна Ивановна Каратыгина (из той самой, знаменитой актерской династии!), а девочка с муфтой — ее мать, Ирина Николаевна Арбенева, балерина, учившаяся искусству танца в Санкт-

Петербурге у самой Ольги Преображенской... Атмосфера дома — счастье и доброта. К родителям часто приходят артисты и режиссеры — часть известной «кочующей» труппы Н. М. Немирова. Приходит и крестный Тамары, профессиональный суфлер, знающий

наизусть не один десяток пьес. Пока родители обсуждают свои творческие планы, маленькая Тамара открывает свой детский театр, и бабушка помогает ей приготовить билеты на премьеру.

А незадолго до войны она все-таки вышла на профессиональную сцену! Это случилось в Великих Луках, в Летнем саду, где ей доверили роль мальчика, и шестилетняя Тамара при этом чуть было не надорвалась от тяжести врученной ей режиссером пишущей машинки, с которой, согласно ее крошечной роли, следовало появиться перед зрителем.

«Я ВЕРНУЛАСЬ В МОЙ ГОРОД...»

... Великие Луки лежали в руинах, которые густо покрывал снег, и казались призрачными. Так и хотелось вслед за поэтессой Натальей Крандиевской воскликнуть: «Да был ли город здесь когда-то?..»

Здание театра, бывшего Дома Красной Армии, кое-где прикрытое остатками крыши, сильно пострадавшее при артобстреле, выглядело удручающе. На то место, что некогда было подмостками, снег ложился также смиренно. Шел 1944 год. Но оживал город. Воскресало театральное искусство. Отец Тамары Чернышевой погиб на фронте, а мама, работавшая в

транспортном театре и вместе с ним делавшая гастрольные остановки то в Западной Двине, то в Вышнем Волочке, наконец, оказалась в Великих Луках, городе, получившем статус областного центра. Так и работала в его театре помощником режиссера до ухода на пенсию.

В 1947-м Великолукский областной драматический театр открыл первый послевоенный сезон, и Тамара Чернышева сыграла свою первую настоящую роль. Это была Тоня в спектакле по пьесе Малюгина «Старые друзья». Тем не менее, помня строгий наказ погибшего в Мясном Бору отца, она решила профессионально овладеть актерским мастерством и поступила в Одесское театральное училище.

Позже Тамара Ивановна вместе с супругом — замечательным артистом Анатолием Чернышевым, была принята в труппу Псковского драматического театра, где успешно дебютировала в роли дочери городничего Марии Антоновны в голговетском «Ревизоре».

На сцене Великолукского драматического театра, куда Тамара Чернышева вскоре вернулась, она создает целую плеяду пленительных женских образов, запомнившихся представителям старшего поколения великолукчан не только внешним обаянием, но и сильным характером, душевной красотой. Это: Нина Гордон в «Хижине дяди Тома» Г.-Б. Стоу, горничная Ганка в «Морали пани Дульской» Г. Запольской, Жанна Барбье в «Интервенции» Л. Славина, танцовщица Аманда в «Дне рождения Терезы» Г. Мдивани, Катарина в «Укрощении строптивой» У. Шекспира, Нина в «Иркутской истории» А. Арбузова, Огюстин в «Восьми любящих женщинах» Р. Тома...

Актрисе повезло, она всегда находилась в центре внимания, всегда в работе над тем или иным образом, каждому из которых стремилась передать живые черты и (правда, это от нее уже не зависело) ту чарующую женственность, которой было суждено влюблять в себя тысячи поклонников и поклонниц. Вместе с ее героинями они негодовали, плакали, искали истину, боролись, прожигали жизнь, падали на краю бездны и находили внутренние силы, чтобы подняться с колен.

— Тамара Ивановна, — спросила я как-то актрису, — а каких ролей в вашей сценической биографии больше — положительных или...

— Отрицательных, — подтвердила

моя визави, — но все они почему-то получались какими-то обаятельными и очень нравились зрителю. Я и сама их любила, этих героинь-кокетт. К сожалению, совершенно забытое сегодня сценическое амплуа.

ЧЕЛОВЕК, ПРОИЗВОДЯЩИЙ ДЕЙСТВО

Как актрисе разноплановой, деятельной и постоянно ищущей себя, Тамаре Ивановне на одном месте не сиделось, и она покидала Великие Луки ради работы в драматических театрах таких городов, как Сызрань и Брест. Там так же много играла и, конечно же, героинь: Любовь в арбузовском «Домике на окраине» и Галю в розовской пьесе «В добрый час!». Играла бесстрашную разведчицу Эльзу Вольф в военном спектакле «Щит и меч» В. Коженикова и Джейн в романтической драме «Мария Тюдор» В. Гюго. В какой-то момент в сценической жизни произошла пауза, Тамара Чернышева не была уверена, что это не навсегда.

И вновь проплывали перед глазами актрисы прошлые, насыщенные

большой работой годы, которую, несомненно, вдохновляли такие режиссеры, как Константин Чернядев, заслуженный артист РСФСР Борис Свистунов, лауреат Государственной премии БССР, народный артист БССР Иосиф Попов, Георгий Цветков... Когда она вновь вернулась в Великие Луки, то о театре и не думала. Больше занимали домашние хлопоты, связанные с переездом, да заботы о семье единственного сына. Но все случилось как-то само собой. Она снова поднялась на знакомую до

мелочей великолукскую сцену, чтобы вначале сыграть эксцентричную мадам Клебер в комической французской пьеске, и уже не смогла сойти с нее. Художественный руководитель театра, режиссер Любовь Тихонова, увидевшая яркую индивидуальность артистки, специально для нее поставила печальную и щемящую комедию «Гарольд и Мод», рассказывающую о любви стареющей аристократки и молодого человека (его бережно и осторожно играл Николай Ключев), который находит в ней духовное родство и полное взаимопонимание. И, несмотря на то, что такая неземная любовь обречена на поражение, герои, ясно осознавшие это, бесстрашно демонстрировали свое короткое счастье всей силой своего таланта.

Затем была роль Софьи Ивановны в спектакле по пьесе Н. Птушкиной «Пока она умирала», поставленный Любовью Тихоновой, где утонченная, отличающаяся редкой деликатностью и тактом героиня устраивала счастье своих близких. Умирая, не умерла, а соединила сердца самых дорогих ей людей в музыке добра и любви. Надо сказать, что зрелым героиням Тамары Чернышевой, казалось, самой судьбой было назначено устраивать подобное счастье. И в то же время она не раз выступала неопровержимым голосом семейной совести, будь то Мария Хосефа в драме «От любви умирают розы» или Селина Муре в трагикомедии «Играем в дружную семью», где постановщик Павел Сергеев явно не ошибся с выбором роли для темпераментной и умеющей сказать свое веское слово Тамары Чернышевой.

Оглядываясь назад и помня о приближающемся столетии театра, которое складывали вот такие актрисы, как Тамара Чернышева, настоящие, а не выдуманные «профи», не можешь не констатировать, что жизнь каждой из них напоминала сюжет для необычайной повести, в которой было все — беды и радости, потери и обретения, была профессия, срифмованная с заслуженным признанием публики. Впрочем, она и сейчас никуда не делась. Как верно заметил кто-то из наших современников, бывших актеров, как и бывших военных, учителей, врачей, не бывает. Если слово «артист» можно перевести с английского как «художник», то «актер» — это человек, производящий действие. Я почти что уверена, приди Тамара Чернышева в свой театр сегодня, она его, несомненно, вызовет, произведет ответную реакцию. Все подлинно талантливое способно возбудить импульс к чужой творческой работе. Все «священное» заставляет благоговеть и преклоняться. Все необычное придает жизни аромат тайны, благословящей на поиск.

Людмила СКАТОВА
Фото из архива автора

Фрагмент из спектакля «Осенняя история» А. Николаи. Амбра - Т. Чернышева. Луджи Палья - В. Иванов, Либеро Бокка - заслуженный артист РСФСР А. Иванов